

RU

Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента: лингвоперсонологический аспект

Немиров В. Ю.

Аннотация. Цель исследования – прибегнув к методам лингвоперсонологии и лингвокультурологии, определить, какое место в конструировании лингвокультурного образа Австралии играют узуальные и индивидуальные особенности лингвокультуры русскоязычного жителя континента, на материале записанного в эфире программы «Светлый вечер» на радио «ВЕРА» интервью Лии Парамоновой, жены священника Александра Парамонова, настоятеля храма во имя святой блаженной Ксении Петербургской на Голд-Косте в Австралии. В статье, применяя интегрированный подход, объединяющий методы лингвокультурологии и лингвоперсонологии, мы рассматриваем конструирование сложного концептуального образования, которым является лингвокультурный образ Австралии, выявляя более простые, базовые концепты-составляющие, анализируем их культурную и аксиологическую нагрузку. Научная новизна заключается в том, что в статье дается характеристика механизмов индивидуального восприятия Австралии русскоязычными жителями континента (на примере одного носителя русской лингвокультуры). В результате исследования нам удалось провести анализ образа Австралии и австралийцев, прибегнув к сопоставительному методу с учетом базовой оппозиции «свой – чужой», обнаружив противопоставление русской культуры западной на основе противоположного восприятия духовных ценностей. Также мы обнаружили осознаваемое говорящим несовпадение аксиологической нагрузки концептов, входящих в состав сложного концептуального образования – лингвокультурного образа Австралии.

EN

The linguocultural image of Australia in the linguistic consciousness of Russian-speaking residents of the continent: A linguopersonological aspect

V. Y. Nemirov

Abstract. The study aims to determine, using methods of linguopersonology and linguoculturology, the role of usual and individual features of the linguoculture of Russian-speaking residents of Australia in constructing the linguocultural image of the continent. The study is based on the recorded interview of Lia Paramonova, the wife of Alexander Paramonov, the senior priest at St. Ksenia of St. Petersburg Russian Orthodox Church on the Gold Coast in Australia, broadcast on the “Svetly Vecher” program on radio “VERA”. In this article, using an integrated approach that combines methods of linguoculturology and linguopersonology, we examine the construction of a complex conceptual formation, which is the linguocultural image of Australia, identifying simpler, basic constituent concepts and analyzing their cultural and axiological load. The scientific novelty lies in the fact that the article provides a characterization of the mechanisms of individual perception of Australia by Russian-speaking residents of the continent (using the example of one carrier of Russian linguoculture). As a result of the study, we were able to analyze the image of Australia and Australians, resorting to a comparative method taking into account the basic opposition “us – them”, discovering the contrast between Russian culture and Western culture based on the opposite perception of spiritual values. We also discovered a conscious mismatch in the axiological load of the concepts that make up the complex conceptual formation, namely, the linguocultural image of Australia.

Введение

Антропоцентрический поворот в мировом языкознании стал наиболее четко заметен в конце XX века, когда обозначился интерес к языку не как к самодовлеющей структуре, а как к феномену, неразрывно связанному

с человеком. Изучение влияния социальной реальности, мышления и поведения, внутренних переживаний индивида на язык и обратного влияния языка на перечисленные сферы реальности – основа антропоцентрической лингвистики. Закономерным следствием интереса к человеку в языкознании стало возникновение двух взаимодополняющих дисциплин: лингвокультурологии и лингвоперсонологии. Заметим, что лингвоперсонологические изыскания, то есть исследования индивидуальных тактик, способов и подходов к использованию языка в жизни и «жизни в языке» позволяют нюансированно взглянуть на лингвистические и культурные особенности членов тех или иных языковых сообществ, и далее – за частностями разглядеть общее.

Австралия (официальное название – Австралийский Союз) – одно из крупнейших государств мира, расположенное на одноименном материке. В настоящий момент, по данным переписи населения 2016 года, в стране проживает 54 883 человека, считающих себя русскими (32 место из 427 национальностей государства) (SBS Australian Census Explorer. <https://www.sbs.com.au/news/creative/census-explorer/xtjxeqygs>).

На наш взгляд, изучение того, как культурные феномены зарубежных государств находят отражение в речи русскоязычных соотечественников, – важное направление исследований, прокладывающее возрождение интереса к русскому языку в государствах, где наблюдается недостаточный уровень его популярности. В настоящем исследовании мы бы хотели сконцентрироваться на изучении лингвокультурного образа Австралии с позиций лингвоперсонологии, опираясь на расшифровку интервью настоятеля храма во имя святой блаженной Ксении Петербургской на Голд-Косте в Австралии священника Александра Парамонова и его супруги Лии, записанного в эфире программы «Светлый вечер» на радио «ВЕРА» и опубликованного 30 октября 2023 года:

• Жизнь в Австралии: культура и вера. Священник Александр Парамонов, Лия Парамонова. <https://radiovera.ru/zhizn-v-avstralii-kultura-i-vera-svjashhennik-aleksandr-paramonov-lija-paramonova.html>.

Мы будем анализировать лишь высказывания Лии Парамоновой (далее – Л. П.), поскольку они занимают большую часть интервью (нами проанализирован общий объем высказываний в 3243 слова) и поэтому представляют большую наглядность. На наш взгляд, подобный объем можно считать достаточно развернутым высказыванием. Также учитывая тот факт, что его макротему можно обозначить как «Жизнь в Австралии», считаем подобный материал для анализа репрезентативным.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящий момент существует сравнительно небольшое количество работ по изучению языковых личностей русскоязычных жителей Австралии, а также по исследованию образа Австралии как сложносоставного лингвокультурного концепта. Данная работа может стать прологом к будущим изысканиям по данной теме, обозначив ориентиры в изучении образа Австралии и австралийцев в языковом сознании как россиян, так и соотечественников, проживающих за рубежом, а также способствовать развитию и поддержке межкультурного диалога.

В качестве основных задач исследования мы обозначили следующие:

1) провести поиск лексических единиц, связанных с Австралией и австралийцами в высказываниях Л. П., зафиксированных в интервью радиостанции «ВЕРА», и определить, какие лингвокультурные концепты они актуализируют, какие реалии и универсалии маркируют;

2) определить, какие базовые концепты в языковом сознании Л. П. становятся составляющими сложного концептуального образования, которым является лингвокультурный образ Австралии, выявив, какие характеристики данного образа можно считать узальными, а какие – индивидуальными;

3) провести аксиологический анализ лингвокультурных единиц, актуализированных в речи Л. П., с целью их сопоставления с базовыми ценностными установками англосаксонской лингвокультуры.

Поставленные задачи, в свою очередь, обуславливают и методы исследования, к которым мы относим семантический, дискурсивный и аксиологический анализ значимых языковых единиц, связанных с Австралией и австралийцами (имена собственные, топонимы, слова, обозначающие национальность, культуру, обычаи), а также метафор, ассоциаций, стереотипов и лингвокультурных сюжетов. Также с методологической точки зрения нам оказались крайне полезны обобщающие работы Е. В. Иванцовой (2008), составившей критический обзор оснований лингвоперсонологической науки, и А. В. Загуменнова, рассмотревшего компендиум лингвоперсонологических воззрений В. В. Колесова. Причем вне опоры на его положение о том, что ментальность представлена в «языковой картине мира отдельного человека, отдельного индивида» (Загуменнов, 2024, с. 112), настоящей работы не случилось бы.

Считаем необходимым уделить значительное внимание теоретической основе исследования. Несмотря на то, что термин «языковая личность» впервые был употреблен В. В. Виноградовым (1930) почти 100 лет назад – в 1930 году, оформление лингвистической персонологии (в то время, правда, так не называвшейся) следует датировать 1980-ми годами, когда свет увидели труды Ю. Н. Караулова (1987; 1989) и Г. И. Богина (1984). В частности, Ю. Н. Караулов (1987, с. 9) выделил 3 уровня, формирующих структуру языковой личности: семантический, лингвокогнитивный и прагматический, саму языковую личность определяя как единство способностей и качеств человека, которые бы обуславливали порождение и восприятие им текстов, различающихся: «а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» (1989, с. 3-8). В настоящий момент большинство исследователей, занимающихся вопросами лингвистической персонологии, не ставят под сомнение понимание многоступенчатости языковой личности, однако дополняя его. Как уже было сказано выше, определение «лингвистическая персонология» появилось не в 1980-х, а уже в конце 1990-х годов, когда В. П. Нерознак (1999, с. 70-71) ввел его в научный оборот, определив объектом дисциплины «частночеловеческую языковую личность» в противовес «многочеловеческой», которая является объектом лингвокультурологии. В свою очередь, В. И. Карасик (2002, с. 19-20),

вслед за Ю. А. Карауловым, предлагает следующие аспекты изучения языковой личности: ценностный, познавательный и поведенческий. На наш взгляд, столь строгое разделение не всегда приводит к плодотворным результатам, и в лингвоперсоналогических изысканиях следует обращать внимание прежде всего на то, как человек творчески использует язык, находясь при этом в русле родной культуры. Именно поэтому нам ближе всего определение С. Г. Воркачева, понимающего языковую личность как «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода “семантический фоторобот”» (2001, с. 65). Заметим, что уже проводились исследования индивидуальных языковых особенностей русскоязычных австралийцев – например, в работе А. С. Потаповой и Е. А. Оглезневой (2019), однако авторы ориентировались скорее на составление речевого портрета, практически не затрагивая лингвокультурных ориентиров говорящего. Напротив, в настоящей статье мы обратим внимание на культурно-специфические феномены в лингвоперсоналогии.

Современный исследователь А. Д. Макарова определяет лингвокультурный образ как «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире» (2011, с. 244), в то время как, например, Е. П. Савченко – как разновидность концепта, который «обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» (2013, с. 6). Мы не отрицаем концептуальной природы лингвокультурного образа, но при этом считаем его сложносоставным образованием, возникающим на основе поливалентных связей между более простыми концептами, входящими в него. Последнее, о чем хотелось бы упомянуть перед тем, как перейти к результатам исследования, – роль оппозиции «свой – чужой» в механизме построения лингвокультурного образа. Как пишет А. Мона о словах-реалиях: «Именно эта категория относится в лингвокультурной универсалии [выделение наше. – В. Н.] “свой – чужой” к “чужой” и подчеркивает специфику страны с ее географическими, культурными и социальными реалиями» (2024, с. 153).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены для полного и всестороннего описания лингвокультурного образа Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента. Очевидно, что одно интервью одного русскоязычного жителя государства не может считаться исчерпывающим описанием столь сложного концептуального образования, однако оно может оказаться ценным для дальнейших сопоставительных исследований. Полученные данные могут быть использованы в качестве учебных материалов в ходе спецкурсов или семинаров лингвокультурологической и лингвострановедческой тематики для подготовки в высших учебных заведениях гуманитарного профиля специалистов в области отечественной филологии, межкультурной коммуникации или перевода.

Обсуждение и результаты

После анализа высказываний Лии Парамоновой мы пришли к выводу, что к лексически маркированным реалиям, отраженным в тексте интервью, можно отнести:

1. Топонимы:

Австралия хороша тем, что она принимает всех;

*... вот именно в нашем штате **Квинсленд**;*

*Потому что **Мельбурн** – это самый крупный город по численности греконаселения после Афин и Кипра.*

2. Обозначения административных единиц:

*У нас теплый **штат**, но ночью температура понижается до +5...*

3. Названия животных:

***Кроликов** и **зайцев** нельзя держать вот именно в нашем штате Квинсленд;*

***Кенгуру** как раз-таки прыгают по дороге на таком же уровне, как у нас лоси;*

*Ну что **крокодилы** нас не едят, крокодилы не во всей Австралии, они только на самом севере.*

4. Названия праздников:

*Не быть агрессивным, не устраивать там что-то такое, но чтобы люди понимали, что ты не с ними. Или **Хэллоуин**, который празднуется. То есть тоже не приходить в этих нарядах, не участвовать в этом **сборище**.*

Важно заметить, что в целом концепт «праздник» в языковом сознании говорящего в данном случае обладает крайне высокой аксиологической нагрузкой. Л. П. говорит о принципиальной разнице в восприятии этого концепта в сознании православных русских жителей Австралии и тех, кто принадлежит западной, коммерциализованной культуре. Если отмечаемый в англоязычных государствах Хэллоуин номинируется посредством лексемы *сборище*, имеющей в своей семантической структуре пейоративную компоненту, то и такие важные праздники, как Пасха и Рождество Христово, по мнению Л. П., отмечены в западной культуре культом потребления: *В праздничные дни Рождества и Пасхи, когда это стало настолько **маркетинговым ходом** на Западе, когда люди уже не чувствуют праздника, они чувствуют только подарки, шоколадные яйца, вот это все...*

Можно заметить, что описание Рождества и Пасхи через такие атрибуты материальной действительности, как *подарки*, показывает негативное отношение говорящего к событиям, не соотносящимся в его представлении со стереотипизированными образами Рождества и Пасхи. Также важно заметить, что в отношении значимых для верующих по всему миру праздников используется номинация «маркетинговый ход», то есть действия по привлечению *покупателей*, – это говорит о негативной оценке того, как названные праздники воспринимаются представителями западной культуры. Подобная интенсивность негативной оценки показывает большую значимость указанных праздников для Л. П.

В свою очередь, традиция празднования Рождества и Пасхи православными христианами обладает диаметрально противоположной, крайне положительной, оценкой в речи Л. П.: *И вот эта Пасха, **радость пасхальная**, которая только в храме, со своими ты это чувствуешь – настоящую Пасху. Я не уверена, что мои соседи знают это чувство. Чувство настоящей Пасхи, Рождества – вот Он родился – Спаситель!*

Важно заметить, что в данном примере совершенно не случайно возникает лексема *свои*. Как уже упоминалось выше, одной из центральных оппозиций для построения лингвокультурного образа становится оппозиция «свой – чужой», и особенно на контрасте с описанием празднования Пасхи и Рождества людьми, принадлежащими западной культуре, становится очевидным принцип конструирования лингвокультурного образа говорящим, принадлежащим русской лингвокультуре, и особенно – лингвокультурной оппозиции. Как часто отмечается в трудах таких видных отечественных философов, как И. А. Ильин, Н. А. Бердяев и Н. О. Лосский, русская культура отличается приматом духовного над материальным, в этом – одна из ее констант, ключевых ценностей, определяемая Н. О. Лосским (1994) как нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события. Духовное начало русской культуры при помощи вербальных средств противопоставляется в речи Л. П. коммерциализованности западной. Понимаемая в духе русской православной культуры *радость* при этом становится основой аксиологического лексикона говорящего.

Также обратим внимание и на то, что особенно важное место в части именуемых реалий занимают номинации рас и этносов, проживающих в Австралии:

(О православном населении Австралии): *Поэтому **греки** этот процент делают, ну **сербы** и остальные национальности и **русские** чуть-чуть;*

*Я чувствую, что и другие, например, те же **азиаты**, они тоже, **китайцы**, я замечаю людей, которые так же, как я;*

*...наш епископ Георгий Австралийский и Новозеландский – он **американец**;*

*Но в Австралии было христианство, **англичане** завезли англиканство в Австралию и пытались **аборигенов** сделать христианами...*

Таким образом, Л. П. в ходе интервью использует 8 лексем, обозначающих этнонациональную принадлежность жителей Австралии, – при этом лексем, маркирующих реалии, нами было обнаружено ровно столько же. Это говорит о высокой значимости этнического разнообразия жителей континента для говорящего. Именно концептуализация мультикультурности особенно заметна в интервью Лии Парамоновой. Обратимся к некоторым примерам: *Австралия хороша тем, что она принимает всех; ...включенность разных национальностей, верований [в жизнь страны] и так далее, это большой бонус.*

Заметим сложность концепта «австралийцы» в языковом сознании говорящего. Мы специально не стали включать примеры с данной лексемой в список примеров-номинаций этнокультурной принадлежности жителей Австралии, так как «австралийцы» становится гораздо более сложным концептуальным образованием:

1. *У нас действительно на каждом приходе есть православные **австралийцы**, которые ничем не связаны с Россией.*

2. *И у меня нет ни одного друга-**австралийца**, с которым я могу пойти вглубь в отношениях, просто он испугается, надо быть очень аккуратным.*

3. *Самый быстрорастущий приход в Австралии, потому что у него рост идет за счет новых крещеных **австралийцев**.*

4. *Но потому что люди должны видеть, что тут присутствует православие русское <...> А остальные **австралийцы**, уже по ходу дела, они видят, что мы есть, мы не скрываем.*

Все примеры отражают дихотомию «свой – чужой», обладающую принципиальным значением для построения лингвокультурного образа, как это уже не раз отмечалось в ходе настоящего исследования. На наш взгляд, приведенные примеры позволяют говорить о том, что в языковом сознании говорящего австралийцы – это все, кто придерживается норм и ценностей, присущих англосаксонской лингвокультуре. Так, важно заметить, что, например, православные христиане (греки и сербы) именуется именно при помощи обращения к соответствующим этнонимам (см. примеры выше), китайцы (и – шире – азиаты) так же именуется в соответствии со своей этнонациональной принадлежностью. В свою очередь австралийцами Л. П. называет тех, кто живет или долгое время жил, не зная ничего о культуре, отличной от западной, в высокой степени коммерциализованной (см. пример о сравнении празднования Пасхи и Рождества). Обратим особое внимание на второй пример. В нем Л. П. говорит о том, что у нее нет ни одного друга-австралийца. На наш взгляд, причиной высказывания становится неосознанно рефлексированное несовпадение концептов «друг» и *friend* в русской и английской лингвокультурах. Как утверждает А. Вежбицкая, если ранее *friend* в английской культуре рассматривался «как индивид, связанный с нами особыми узами (подобно брату или ребенку)», то в современном понимании он рассматривается «как множество людей, связанных сходным образом с некоторой личностью, находящейся в центре» (2001, с. 85). В то же время исследователь, давая характеристику русскому концепту «друг», включает в него следующие составляющие: «...я очень хорошо знаю этого человека <...> я думаю об этом человеке очень хорошие вещи <...> я хочу часто бывать с этим человеком» (Вежбицкая, 2001, с. 114). Очевидно несовпадение аксиологической оценки описанных концептов, и именно это, на наш взгляд, вызывает диссонанс у говорящего.

В качестве дополнения можно обратиться и к следующей реплике: *В Австралии точно лучше в плане общения **по верхам***. В данном случае концептуализируется и эксплицируется поверхностный характер общения

между людьми, невозможность наладить прочные связи. Однако при этом очевидным становится и некоторая парадоксальная природа подобных межличностных связей австралийцев. Лия Парамонова говорит о том, что «*Вот это общение по верхам в Австралии намного лучше*», имея в виду то, что подобный модус общения может быть полезен для налаживания социальных связей, а также подчеркивая (что видно из примеров выше), что Австралия *всех принимает*. Подобное восприятие государств как «плавильных котлов» весьма характерно для англоязычных стран, в которых исторически проживает множество людей со всего мира.

В заключение данного раздела также обратим внимание на следующее высказывание: *Там [в Австралии] можно быть инопланетянином, и на тебя даже никто не посмотрит.*

В данном случае слово «инопланетянин» употребляется не в своем первом значении, т. е. имеется в виду не реальный житель иных планет, а скорее в переносном значении, характерном для живой разговорной речи, которым бы мы описали следующим образом: «человек, совершенно не похожий на других». Обратимся к некоторым примерам из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>):

Если каждый человек – инородец, инопланетянин, Другой (а именно этому научил нас двадцатый век), то и общаться с ним надо на универсальном языке... (Касьянова О. Послание инородцу // Октябрь. 2013. № 7).

...он с таким удивлением смотрит в рот говорящему, словно тот некий инопланетянин, которого он никак не должен понимать и даже вообще слышать в силу иной частоты звука... (Слаповский А. Гибель Гитариста. 1994-1995).

Таким образом, слово «инопланетянин» может выступать контекстуальным синонимом слова «антипод», а эта номинация давно закрепилась за жителями Австралии, которую принято называть «страной антиподов». Во многом подобное восприятие связано с географическим положением континента, а также, например, тем, что привычные климатические явления там происходят в «зеркальном» порядке: лето наступает в декабре, а зима – в июне. Таким образом, Л. П. в данном случае демонстрирует в целом довольно узואльное восприятие жителей Австралии.

Заключение

В ходе настоящего исследования нам удалось выделить и тематически категоризовать лексические единицы, обозначающие специфические реалии Австралии, тем самым конституирующие ее образ на примере интервью Лии Пономаревой. Так, мы обратили внимание на то, что в речи Л. П. наравне с лексикой, маркирующей реалии (названия праздников, административных единиц, специфичных для Австралии животных), довольно значимое место занимают единицы, маркирующие национальную принадлежность жителей государства (*греки, сербы, китайцы, азиаты*).

Это позволяет говорить о том, что в языковом сознании Л. П. Австралия воспринимается как многонациональное государство. При этом мы также обратили внимание на то, что лексема *австралиец* не становится контекстуальным гиперонимом для единиц, маркирующих национальную принадлежность тех, кто проживает в Австралии. Это происходит потому, что данная единица оказывается аксиологически нагружена: *австралийцем* Л. П. называет людей, принадлежащих чуждой, англосаксонской лингвокультуре. В данном случае, на наш взгляд, следует констатировать обращение говорящего к лингвокультурной универсалии – оппозиции «свой – чужой», лежащей в основе конструирования лингвокультурного образа.

Также нам удалось отделить узואльные лингвокультурные и аксиологические установки, актуализированные в речи Л. П., от индивидуальных. Упомянутые выше наблюдения мы бы объяснили именно индивидуальными особенностями языкового сознания Л. П.

В свою очередь, к узואльным мы относим восприятие Л. П. Австралии как экзотической страны «антиподов», что выражается в номинации экзотических животных или непривычных социальных явлений (например, праздников), где привычные явления происходят с точностью наоборот. Также нормой русского языкового сознания является и восприятие Л. П. друга как очень близкого – прежде всего духовно – человека, и противопоставление такой лингвокультурной нагрузки концепта англосаксонскому концепту *friend*.

Целью исследования было определить место нормы и индивидуальности в конструировании лингвокультурного образа. На наш взгляд, результат проведенного исследования показывает: настоящие «полюса» находятся в единстве, поскольку узואльные явления (как, например, антагонизм русской и англосаксонской лингвокультур) становятся основой для дальнейших аксиологических трансформаций: так, для Л. П. особенности празднования австралийцами Пасхи также становятся показателем коммерциализованности западной культуры.

Отметим, что настоящее исследование не претендует на попытку создать целостный портрет языковой личности, основываясь лишь на одном (пускай и расширенном) высказывании. Нам было гораздо важнее применить на практике лингвоперсонологические методы для понимания механизмов порождения и поддержания лингвокультурных образов как комплексных концептуальных образований.

Перспектива дальнейшего исследования заключается, во-первых, в том, что его результаты могут стать основой для дальнейших изысканий по поиску точек соприкосновения между такими областями языкознания, как лингвоперсонология и лингвокультурология. Также хотелось бы отметить, что в дальнейшем, при накоплении «критической массы» подобных исследований, достаточной для индуктивного обобщения, можно будет получить полноценную картину лингвокультурных и аксиологических установок русскоязычных жителей Австралии.

Источники | References

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс. ... д. филол. н. Л., 1984.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Виноградов В. В. О художественной прозе. М. – Л.: Госиздат, 1930.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
5. Загуменнов А. В. Лингвоперсонология и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В. В. Колесова // СибСкрипт. 2024. № 26 (1). <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-108-116>
6. Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2008. № 3 (4).
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность: сборник статей. М.: Наука, 1989.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
10. Лосский Н. О. Ценность и бытие // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994.
11. Макарова А. Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). Вып. 60.
12. Мона А. Лингвокультурный образ Ирана в русских художественных и публицистических текстах: дисс. ... к. филол. н. М., 2024.
13. Нерознак В. П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: тезисы I международной конференции (г. Москва, 25-26 ноября 1999 г.). М., 1999.
14. Потапова А. С., Оглезнева Е. А. Речевой портрет представителя русской восточной эмиграции в Австралии (на материале речи А. П. Лапардина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 4. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-4-121-128>
15. Савченко Е. П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга): дисс. ... к. филол. н. М., 2013.

Информация об авторах | Author information**Немиров Вячеслав Юрьевич¹**¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва**Vyacheslav Yurievich Nemirov¹**¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow¹ slavikparsko@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 20.08.2024; опубликовано online (published online): 04.10.2024.

Ключевые слова (keywords): лингвоперсонология; языковая картина мира; лингвокультурный образ Австралии; языковая личность русскоязычного жителя Австралии; linguopersonology; linguistic worldview; linguocultural image of Australia; linguistic personality of Russian-speaking residents of Australia.